

Таблица 3

Распределение респондентов в зависимости от показателей частоты молитвы

Показатели частоты молитвы	Количество опрошенных					
	студентов			%		
	I курс	маг	заочн	I курс	маг	заочн
чаще чем раз в неделю	4	9	9	4	9	9
один раз в неделю	2	9	7	2	9	7
один раз в месяц	7	12	10	7	12	9,5
несколько раз в году	14	16	22	15	15	21
раз в год и реже	13	16	10	14	15	9,5
никогда	52	42	45	57	40	44

Используемая нами количественная методика исследования показателей частоты молитвенной практики и религиозной самоидентификации студенческой молодежи Гомельщины естественно не отображает всех аспектов феномена религиозности, но способствует более детальному изучению состояния религиозности в молодежной среде в современных условиях. Согласно предварительным результатам исследования можно обозначить некоторые характерные тенденции.

Особенностью сложившейся ситуации в молодежной среде является преобладание религиозного индифферентизма среди студентов первокурсников, которые проходят этап в своей жизни связанный с определением ценностных ориентаций.

Показатели религиозной идентификации родителей студентов первокурсников свидетельствуют о наличии проблемы семейного воспитания в религиозной вере.

Наибольшие показатели молитвенной практики и самоидентификации как верующего присутствуют у студентов-заочников и магистрантов. Результаты исследования свидетельствует о большем количестве студентов практикующих и имеющих представление о зрелой религиозной вере среди студенческой молодежи постарше.

Литература:

1. Панкратова, Е.В. Религиозность и религиозная самоидентификация / Е.В. Панкратова // HESP RESET [«Электронный ресурс»]. – Режим доступа: <http://reset.ivanovo.ac.ru/courses/6-lectures/34-samoident>– Дата доступа: 18.04.2017.

ЛОПИН Р. А.

КАНДИДАТ ФИЛОСОФСКИХ НАУК, ДОЦЕНТ КАФЕДРЫ КУЛЬТУРОЛОГИИ И ПОЛИТОЛОГИИ НИУ «БелГУ», Белгород, Россия

С.А. НИЛУС КАК АПОЛОГЕТ ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ – ЕГО НАСЛЕДИЕ СЕГОДНЯ

Сергей Александрович Нилус (1862-1929) наравне с такими его современниками как Е.Н. Погожев, И.С. Шмелев, Б.К. Зайцев отразил в своем литературном творчестве ту духовную сущность православной культуры, которая питала предшествующих писателей, таких русских классиков как Н.В. Гоголь, А.С. Пушкин, Ф.М. Достоевский, Н.С. Лесков. В нем он обратился к недрам русского народного церковного благочестия в то время, когда многие из образованных людей искали в очередной раз «новый» путь развития мысли «старой» России, отдаваясь размышлениям о революционном переустройстве государства, образа жизни, религиозности общества, когда казалось не модным и не достойным образованного человека говорить о каких-то традициях национальных и государственных, о Боге с точки зрения православной Церкви.

В 1906 г. вновь стал печататься А.Н. Радищев – авторитет сил, которые стремились разрушить Православно-самодержавную Россию, устроить ее по республиканско-атеистическому принципу. Новаторские идеи проникали во все слои общества. Раскол между интеллигенцией и народом в очередной раз в истории России усиливался, грозя катастрофой. Да и сам народ под влиянием «просвещения» все дальше отходил от своего традиционно духовного жизненного уклада, веры в Бога. С.А. Нилус своими трудами и присущей им традиционностью идеалистической мысли отечественной литературы пытался выступить защитником и проповедником религиозности своего народа. Любовь к нему переплеталась с тревогой за его судьбу.

Питая корни свои в Орловской губернии – родине многих русских писателей, И.С. Тургенева, Н.С. Лескова, Б.К. Зайцева, И.А. Бунина, – С.А. Нилус унаследовал, как и его земляки, любовь к красоте природы, жизни русской глубинки, ее народной чистоте и любви к Богу. И поэтому в его работах просматривается тревога, отчасти отчаяние, связанное с разрушением духовно-религиозного, коренного устоя народной жизни в предреволюционной России.

Как гражданин православного государства, С.А. Нилус видит российского императора главою воплотившейся в истории высшей стадии развития человеческого общества – православной монархии, дарованного самим Богом. «Благоверный Государь, Божий помазанник, исполненный и водимый Святым Духом, воплотил в своем Лице всю народную веру одномоysленно с Православною Церковью...» [3, 115], –

пишет он. И еще: «Да пошлет Господь Царю нашему помощь от святого! Ему более чем кому-либо нужна эта вышняя помощь, чтобы управлять народ свой в мире, тишине и благоденствии» [4, 281].

Словно предчувствуя какую-то еще не ведомую беду, будущую трагедию, впоследствии реализовавшуюся, говорит он и о наследнике престола – цесаревиче: «Были у литургии; ходили молиться за Наследника Всероссийского Престола, этого удивительного, по отзывам всех его знающих, Царственного ребенка. Сохрани Его, Господи, и Родителей Его во славу Твою и на благо родины!» [4, 277]

В период «худого» ареола вокруг царской семьи мы видим в С.А. Нилусе достойного гражданина России, не утратившего свою честь перед Родиной. Его высокая религиозность, аскетическая жизнь, любовь к Родине, к человеку – тому пример, как высшее проявление христианской веры. «И внутренне он был колоссом духа, так твердо стоящим на камени веры, что ни гонения, ни лишения, ни злословие не могли поколебать его веру и любовь к Богу» [6, 406]

Эта любовь и величие восприятия тайны промысла и спасительной силы его для народа, горячо любимого С.А. Нилусом, легли в основу всего труда писателя. Его общение со старцами, проживание в монастырях питали душу его и выливались в написание строк, и поныне имеющих ценность в понимании мировосприятия, да и самой жизни христианина. Его восторженное, детское по своему чистому восприятию описание монашеской святой духовности и сегодня поражает своею поэтической наполненностью и используется современными авторами для составления путеводителей по православным святыням: «О, глубина старческой святыни! О, простота и глубина бездонная великих чудес твоих, смиренная, кроткая, тайнодействующая простота, не расширяющая воскрилий своих, не ищущая первоседаний и чтобы ей говорили, учителю, учителю! – но в смиренной тайне своей учительная и спасающая бесчисленные души, сумевшая обрести тебя вдали от горделиво-напыщенных и широко шумящих распутий мира, обрести и укрыться под твоей любовью и жалостью от вражды и бессердечия одевающихся в мягкие одежды сынов века сего и служителей богов его, золотых, серебряных, медных, каменных и деревянных, которые не могут ни видеть, ни слышать, ни ходить» [4, 174].

«Монашеское житие в принципе есть житие равноангельское», – говорит С.А. Нилус [5, 189]. Многие труды его дают возможность серьезного осмысления монашеского подвига – хранителя чистоты православной веры, исстари питающего духовными силами в преодолении соблазнов лукавого боголюбивый русский народ, обращающийся всю свою историю в монастыри за духовною поддержкой.

Украшением произведений С.А. Нилуса является также не вымысленность, а реальность персонажей и событий. Он повествует лишь о личных впечатлениях, происшедших с ним, либо передает рассказы от лиц, причастных к описываемым событиям, публикует ранние, неизвестные, им найденные в архивах повествования, а так же архивные или текущие документы, связанные с теми или иными событиями.

«Вы любитель отмечать «знамения времени»», – называет его «отец архимандрит» в одной из глав его же дневника (С.А. Нилус не передает его имени). Это фиксирование событий, явно, с точки зрения С.А. Нилуса, могущих послужить для разложения исконных традиций в государстве Российском, а может быть и во всем мире, послужило разрыву писателя с современным ему обществом – обществом, уже давно отошедшим от мессианского понимания своей истории, внедрявшим в свою культуру не только в последствии сыгравшие отрицательную роль учения, но и чуждую для него культивацию религиозных исканий, таких как спиритизм, а порой и атеизм, сатанизм.

Сопоставление С.А. Нилусом всех этих фактов с эсхатологией Православной Церкви все ближе и ближе рождало в нем чувство последних времен перед воцарением антихриста. Его предчувствие координальных революционных перемен в обществе, опасности, грозящей его религии и народу, явились чуть ли не пророческими. Он постоянно обращается к этой теме и пытается донести свои чувства до читателя: «И решил я в сердце своем: да будет воля Божия, но то, что я считаю своим знанием, тем обязан делиться со всяким, кто пожелает от этого знания попользоваться», – рассуждает С.А. Нилус [4, 266] с чувством совершенной искренности в правоте своих предположений.

Что касается обоснованности его теории «политической реальности прихода антихриста», подкрепленной полученными им документами – «протоколами сионских мудрецов», из за публикации которых его имя стало для многих одиозным в русской литературе, – то это задача исследователей другого направления – историков, политологов и др., с точки зрения же духовно-литературного наследия С.А. Нилуса хотелось бы отметить, что эта тема была им досконально рассмотрена в свете эсхатологических учений христианства, философских взглядов, в том числе и взглядов известного русского мыслителя В.С. Соловьева.

Сам С.А. Нилус был уверен в правильности своих изысканий. Как могло быть иначе, если ему пришлось увидеть после 1917 г. рвущие душу христианина события: разрушение и осквернение святынь, убийство русского православного Царя, главы российского государства, предстоятеля за русский народ пред Богом, гонения и убийства христиан за их веру. Разве не могла видеть в этих событиях душа христианина проявления самого дьявола, управляющего сознанием столь многих из людей, «неведующих» о своих богоборческих творениях. И даже тогда, когда за его книгу грозил лицу, хранящему ее, расстрел [2, 224], он продолжал, находясь в скитаниях, работать, записывая «знамения времени», которые вошли во вторую часть его дневника «На берегу Божьей реки».

Нет ничего удивительного, что в период, о котором хорошо говорит письмо русских писателей из России (1927 г.), полученное «Союзом русских писателей и журналистов» в Белграде, – «Идеализм, огромное течение русской художественной литературы считается государственным преступлением. Наши классики этого направления изъеваются из всех общественных библиотек. Их участь разделяют работы историков и философов, отвергавших материалистические взгляды. Набегами особых инструкторов из общих библиотек и книжных магазинов конфискуется вся дореволюционная детская литература и все произведения народного эпоса. Современные писатели, заподозренные в идеализме, лишены не только возможности, но и всякой

надежды на возможность издать свои произведения. Сами они, как враги и разрушители современного строя, изгоняются со всех служб и лишаются всякого заработка» [1, 184]. Работы С.А. Нилуса уничтожались, сам он скитался, не имея крова над головой и средств к существованию, находя приют и утешение у почитателей своих трудов.

Сегодня современные почитатели трудов С.А. Нилуса, видя в них то ценное богатство истории Русской Православной Церкви, тот дух, который несет сердце писателя, для которого вера была самой жизнью, питают к ним особый интерес – интерес возвращения души своей из состояния беспамятства. И в возвращении этом наследие писателя Сергея Александровича Нилуса, ведущего душу его читателей «по пути Православия от временной в жизнь вечную» [4], по праву занимает почетное место в наследии русской религиозной мысли, дающей понимание всей сущности православной культуры.

Литература:

1. Жевахов Н.Д. Воспоминания. В 2-х т. Т.2. – М.: «Родник», 1993. – 336 с.
2. Жевахов Н.Д. Сергей Александрович Нилус // Неизвестный Нилус / сост. Р. Багдасаров, С. Фомин Т.2. – М.: Православный паломник, 1995. – С. 211-234.
3. Нилус С.А. Великое в малом. – Новосибирск: «БЛАГОВЕСТ», 1994. – 544 с.
4. Нилус С.А. На берегу Божьей реки. Ч.І. – Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1991. – 322 с.
5. Нилус С.А. На берегу Божьей реки. Ч.ІІ. – Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1992. – 204 с.
6. Смирнова-Орлова М.В. Памяти Сергея Александровича и Елены Александровны Нилус // Неизвестный Нилус / сост. Р. Багдасаров, С. Фомин Т.2. – М.: Православный паломник, 1995. – С. 402-417.